

В основе современных напряженных взаимоотношений между Таджикистаном и Узбекистаном лежат исторические противоречия из-за нереализованного в 20-х годах прошлого столетия проекта «Большого Туркестана», – такой вывод делает в своей статье, написанной специально для CABAR.asia, политолог Парвиз Муллоджанов (Таджикистан, Душанбе).

Отношения между Таджикистаном и Узбекистаном сегодня находятся далеко не в лучшем состоянии. Многие обозреватели и эксперты в этой связи употребляют термины «холодная война», «рельсовая война», «транспортная блокада» и так далее. При этом на бытовом и межличностном уровне отношения между таджиками и узбеками все еще достаточно далеки от взаимной нетерпимости и неприязни, что неудивительно. Таджик и значительная часть узбеков ведут свое происхождение от древнего ираноязычного населения Средней Азии, в связи с чем, у них остается достаточно много общего в обычаях, традициях, культуре, национальной психологии и характере.

Соответственно, многие исследователи задаются вопросом – почему, несмотря на очевидную историческую близость и ближайшее соседство обоих народов, отношения между двумя странами остаются сложными в течение столь длительного периода времени?

Ряд экспертов объясняют данное явление непростыми личными отношениями между президентами двух стран – Исламом Каримовым и Эмомали Рахмоном. Однако, на самом деле, и в советское время отношения между соседними республиками были также достаточно непростыми и сложными. Значит ли это, что существует ряд других факторов объективного и долговременного характера, которые негативным образом влияют на таджикско-узбекские отношения? И если это так, то, как будут складываться отношения между двумя странами в ближайшее десятилетие, особенно в свете углубляющегося социально-экономического кризиса и геополитических сдвигов в регионе?

Чтобы ответить хотя бы на часть из этих вопросов, следует рассмотреть динамику развития отношений между двумя народами, начиная с периода национально-территориального размежевания Средней Азии в 20-тых годах прошлого века. По мнению большинства исследователей, именно в этом историческом периоде следует искать истоки и причины сегодняшнего геополитического противостояния между двумя соседними государствами.

Динамика развития таджикско-узбекских отношений

Историю развития таджикско-узбекских отношений в 20 веке и по наше время можно условно разделить на следующие три основных периода:

Первый период начинается с Февральской революции 1917 г. и последующим установлении Советской власти в Средней Азии. Революционные изменения в России

вызвали прилив энтузиазма и воодушевления у сторонников местного движения «джадидов» (обновленцев) или «младобухарцев», ставившими своей основной целью модернизацию бухарского (так как центр движения находился в столице Бухарского эмирата) и среднеазиатского общества. При этом, на идеологию джадидов решающее влияние оказали идеи татарских «модернистов», проникших в Бухару после вхождения эмирата в состав Российской империи, а также воззрения младотурков.

Пропагандистами были молодые бухарцы из состоятельных семей, обучавшиеся, согласно моде того времени, в учебных заведениях Стамбула. Стремясь модернизировать и обновить среднеазиатское общество, приблизить его к передовым достижениям Запада, лидеры джадидов видели выход в объединении всех мусульманских народов России в единое государство, которое смогло бы противостоять европейским державам. Идеологами среднеазиатского джадидизма была выдвинута концепция государства Туркестан или Туран, основанного на принципах не «классовой» (как в марксизме), а этно-конфессиональной солидарности народов тюркского происхождения.^[1]

Таким образом, изначальный панисламизм джадидов переходил в пантюркизм (так как основная часть мусульман региона была тюркоязычной), у истоков которого в регионе, как ни парадоксально, стояла таджикоязычная интеллигенция Бухары. При этом не все лидеры джадидов разделяли идеологию пантюркизма; уже непосредственно до прихода большевиков джадидское движение разделилось на две враждующие группы: одна, во главе миллионером Файзулло Ходжаевым (ставшим впоследствии одним из руководителей УзССР) стояла целиком на позициях пантюркизма, тогда как группировка местного купца Аблулкодира Мухиддинова было более умеренной, особенно в национальном вопросе. Вместе с тем, сама идея создания мощного мусульманского государства была настолько привлекательной, что какое-то время в той или иной степени поддерживалась всеми группировками, а все противоречащие ей факторы и соображения просто отменялись в сторону ради политической целесообразности.

Именно поэтому, ради этой идеи «Великого Туркестана», лидеры джадидов с самого начала столь яростно сопротивлялись любым попыткам национального размежевания в Средней Азии, всячески пытались убедить Москву в существовании единой тюркской нации и необходимости сохранения ее территориального единства. Утверждалось, что «узбеки, казахи, туркмены и другие народы, каждый из которых считается отдельной нацией, на самом деле являются частями одной, единой нации».^[2]

Однако вскоре стало окончательно ясно, что Центр однозначно принял решение о национальном размежевании в регионе; в мае 1920 Туркделегация, состоящая из основных идеологов единого Туркестана, безуспешно пыталась убедить московское руководство в нецелесообразности этого решения. Тогда же В.И. Ленин дал указание

изучить национальную ситуацию в регионе, подготовить и провести окончательное национальное размежевание, с тем, чтобы каждый народ региона получил права на свою государственность.

Таким образом, проект «Великого Туркестана» был заблокирован. Тогда, вернувшись из Москвы, Файзулло Ходжаев и его сторонники принялись уже за реализацию проекта «Большого Узбекистана» (или, по сути дела, «Малого Туркестана»), который включал бы в себя, по крайней мере, и всю территорию бывшего Бухарского эмирата (то есть и территорию современного Таджикистана).^[3]

И здесь, основной проблемой и препятствием на пути создания этого проекта стало существование на территории «Малого Туркестана» значительного таджикоязычного населения, составлявшего большинство не только в горной восточной части бывшего эмирата, но и в основных его городах, прежде всего в Самарканде, Бухаре и Ходженде.

Ираноязычные таджики настолько выбивались из общей стройной картины, что их существование замалчивалось или отрицалось. В статистических данных и официальной документации, посылаемой в Центр, они просто не упоминались. В местной прессе же проблема освещалась следующим образом: «исторически эти люди (таджики) были узбеками, но под влиянием персидской цивилизации и литературы они стали таджикоязычными. Мы вернем им исконный язык и национальность.

Единообразие есть условие прогресса, узбекизовав таджиков Бухары (здесь имеется в виду весь бывший Бухарский эмират), мы укажем услугу цивилизации».^[4]

«Необходимо, чтобы таджики немедленно перешли на узбекский язык и отказались от своего собственного таджикского языка, ибо социалистическая поступь истории предрешила его судьбу».^[5]

Данные лозунги и призывы сопровождались конкретными действиями властей на местах, причем с такими эксцессами, что это вызывало возмущение у части умеренных джадидов и таджикской интеллигенции, сплотившейся вокруг группировки А.

Мухитдинова. В результате, уже А. Мухитдинов и его сторонники обратились к Центру с проектом создания Таджикистана. Однако основную роль в разработке и лоббировании нового проекта сыграли молодые таджикские большевики, такие как Шириншо Шотемур, Чинор Имамов и Нусратулло Махсум. Будучи уроженцами горных районов Восточной Бухары и Памира, они устанавливали Советскую власть на местах и боролись с басмачеством; для них джади́ды с их «буржуазным» происхождением и идеями о «единой мусульманской державе» были абсолютно чуждым и враждебным явлением.

Таким образом, в начале 20-ых годов в Средней Азии столкнулись два политических проекта, таджикский и узбекский, которые фактически взаимоисключали друг друга. Действительно, реализация проекта «Малого Туркестана» не оставляла таджикам никакого шанса на свою государственность; и наоборот, создание Таджикистана в

границах распространения ираноязычного населения и языка фарси (что подразумевало бы передачу таджикам Самарканда и Бухары) фактически положило бы конец проекту «Большого Узбекистана» от Аральского моря и до границы с Китаем. Именно поэтому, в последующие несколько лет противостояние между сторонниками обоих проектов приняло до крайности ожесточенный характер; фактически шла информационная война, целью которой было заручиться поддержкой Москвы. Основные усилия таджикской стороны были направлены на то, чтобы доказать само существование таджикского этноса в регионе и его право на свою государственность. Это была так называемая «война историков», наверное, одна из самых первых и, наиболее, ожесточенных на советском пространстве, когда история и культура региона приобрели вдруг острое политическое значение. При этом вопросы истории и культуры рассматривались с абсолютно диаметрально противоположных ценностных и цивилизационных позиций. Например, М. Бехбуди и А. Фитрат, известные лидеры джадидов и идеологи единого Туркестана, издали пьесы «Тамерлан» и «Чингисхан», в которых оба завоевателя представлялись источником гордости для всех среднеазиатов. В свою очередь, Садриддин Айни, считающийся основоположником таджикской советской литературы, написал книги-исследования «Темур-малик» и «Примеры таджикской литературы», где воспевались герои анти-монгольских восстаний, а Тамерлан был представлен беспощадным тираном, «строившим минареты из голов таджиков».

Наконец, власти привлекли к решению вопроса известных российских востоковедов, таких как В.В Бартольд, А.А. Андреев, Е. Бертельс, заключение которых позволило продвинуть вперед таджикский проект. Так в 1924 году была создана Таджикская Автономная Республика в составе Узбекской ССР. Потребовалось еще несколько лет столь же ожесточенного противостояния, пока в 1929 году в г. Ходженде и прилегающих к нему районах не произошли массовые протесты жителей, недовольных насильственным переводом местных средних школ на узбекский язык. В результате, Ходжендская (Ленинабадская) область была передана Таджикистану, население которого перешло отметку в 1 млн. человек. Это создало правовую основу для последующего выхода из состава Узбекистана в качестве отдельной советской социалистической республики. Вместе с тем, Таджикистан так и не сумел добиться передачи ему Самарканда и Бухары, которые остались в составе Узбекистана. Таким образом, ни «таджикский проект», ни проект «Большого Узбекистана» не были полностью реализованными на практике. Однако с идеологической точки зрения все осталось по-прежнему; в таджикской историографии Самарканд и Бухара так или иначе рассматриваются в качестве культурных и исторических центров таджикского народа и колыбель ираноязычной культуры в регионе. В свою очередь, в Узбекистане на протяжении всего советского периода подход к «таджикскому вопросу» строился

фактически на базе идеологии 20-ых годов.

Второй период пришелся на несколько последующих десятилетий советской власти – вплоть до Перестройки и распада СССР. Это были спокойные годы в единой стране – в то же время, «война историков» не только не затихала, но постоянно разгоралась и предпринимала все более конфронтационный характер. Фактически, в этот период и в Таджикистане и в Узбекистане с успехом «дорабатывали» наработки 20-ых годов. При этом взаимно исключаящий характер подходов к истории и культуре региона только усиливался. Борьба развернулось за культурное наследие региона; спор шел за каждого ученого/литератора средневековья, начиная от Беруни и Авиценны и до малоизвестных поэтов 18-19 веков.

При этом, стороны применяли абсолютно разный подход: в рамках узбекской историографии применялся так называемый территориальный принцип, когда все поэты и литераторы, жившие на территории региона и Узбекистана, признавались «среднеазиатскими», или узбеками, независимо от языка, который они использовали в своих произведениях. В то же время в «таджикском проекте» за основу бралась и всегда подчеркивалась языковая и этническая принадлежность того или иного деятеля культуры или исторической личности.

Власти обеих республик негласно поддерживали и защищали своих историков, что еще раз подтверждает политический характер, на первый взгляд, чисто научных споров. В советское время Ташкент часто назывался неофициальной столицей Средней Азии: здесь базировалось большинство среднеазиатских проектных институтов и ведомств, имеющих региональный и союзный статус; финансирование многих региональных и республиканских проектов также шло через Ташкент.

Несмотря на это, скрытое соперничество продолжалось, так как таджикское руководство упорно отвергало все претензии Ташкента на региональное лидерство, в случае необходимости апеллируя непосредственно к Центру. Судя по всему, «война историков» в этих условиях использовалось руководством республик, как дополнительный козырь в доказательство своих претензий на лидерство (в случае Ташкента) или на сохранение независимой позиции (в случае с Душанбе). Таким образом, и в советское время борьба между «таджикским» и «узбекским» проектами продолжилась, но уже в виде негласного соперничества в гуманитарной сфере, в форме «войны историков» и так далее.

Однако самым важным было то, что в советское время таджикско-узбекские разногласия и исторические дебаты постепенно вышли за рамки узкого круга отдельных группировок интеллигенции, охватывая все более широкие слои общества. Этому способствовали эффективная образовательная система и пропагандистская машина советского периода, когда идеологические догматы доводились в той или иной степени до всех групп и социальных слоев населения. В результате, в школьные

учебники, журнальные и газетные публикации проникали полностью противоречащие друг другу подходы и видение истории региона; во многих из них в скрытой или открытой форме содержались взаимные выпады и претензии. Это не могло не вызвать распространение среди населения обеих республик роста национализма и предвзятости и стереотипов по отношению друг к другу.

Третий период развития таджикско-узбекских отношений охватывает уже 1990-ые годы, когда вскоре после распада СССР в Таджикистане разразилась кровопролитная гражданская война. С самого начала таджикского конфликта Ташкент выбрал политику однозначной поддержки прокоммунистического Народного фронта (НФ), социальной базой которого было население Кулябской и Ленинабадской областей, а также местное узбекское меньшинство. Поддержка Узбекистана сыграла ключевую роль в военном и организационном «выживании» НФ в самый чувствительный период начала гражданской войны (с мая по октябрь 1992), когда Москва еще официально декларировала свой нейтралитет и невмешательство в таджикский конфликт. В этот период Узбекистан выступил в роли неофициального «плацдарма» для проведения прообраза современной «гибридной войны» против находящегося у власти про-опозиционного Коалиционного правительства Таджикистана.

Роль Ташкента в дальнейшей победе Народного фронта трудно переоценить – достаточно сказать, что в боевых действиях на стороне НФ в полном составе приняла участие элитная 15 бригада спецназа, дислоцированная в Чирчике, под командованием небезызвестного полковника В. Квачкова.^[6] Именно эта бригада сыграла особую роль в разгроме основных оплотов оппозиции в Душанбе, Кофарнигане, Ромите, Гарме и Припамирье в декабре 1992 – в марте 1993. В это же время, в боях против таджикской оппозиции широко применялась узбекская авиация, в первую очередь военные и транспортные вертолеты. Практически с июня 1992 года действовал негласный воздушный мост между Термезом и Кулябом, с помощью которого в область поставлялись грузы как гуманитарного (продовольствие, медикаменты), так и военного характера. Позже, транзитные пункты были созданы на границе Курган-тюбинской области, Регарском (Турсунзаде) районе, через которые в распоряжение отрядов НФ поступали оружие и амуниция. Ташкент сыграл значительную роль в организации исторической 16-сессии Парламента РТ в октябре 1992 года Ходженте, которая узаконила приход к власти нынешнего руководства страны. Достаточно сказать, что кулябские делегаты поехали на сессию через Термез, где их проинструктировал лично Сангак Сафаров, лидер НФ, в присутствии Р.У. Ахмедова, Министра обороны Узбекистана.^[7]

Потому, вполне естественно, что Ташкент всерьез полагал, что новое таджикское правительство изберет геополитическую ориентацию на Узбекистан, а представители лояльного Ташкенту политического лобби займут в нем ключевые позиции. Таким

образом, противостояние двух проектов закончилось бы, наконец, в пользу проекта «Большого Узбекистана», частью которого, и в той или иной форме, и стал бы построенный Таджикистан. Основания для этого были, так как вскоре после военного поражения оппозиции в среде связанных с Ташкентом полевых командиров и политического лобби стали открыто звучать голоса о возможном объединении с Узбекистаном, о несостоятельности таджикской государственности и так далее. Полевые командиры Гиссарской зоны (к западу от Душанбе) уже отказывались подчиняться таджикскому правительству, открыто ориентируясь на Ташкент. Когда же таджикское правительство потребовало от них разоружиться, то Ибод Бойматов, криминальный авторитет и мэр г. Турсунзаде заявил, что «не таджикское правительство дало нам это оружие, и не вам его у нас забирать».

В этих условиях новое таджикское правительство обратилось за поддержкой к Москве, которую перспектива реализации проекта «Большой Узбекистан» прельщала не в большей степени, чем в 20-ые годы. Заручившись поддержкой РФ, правительство Таджикистана в течение достаточно короткого времени сумело разоружить или изолировать ключевых полевых командиров и лидеров, напрямую связанных с Ташкентом. Практически уже к концу 1993 года Узбекистан был вытеснен на вторые роли в таджикском конфликте, постепенно потеряв возможность воздействовать на его ход и динамику, а также на внутритаджикский политический расклад.

Новый период развития таджикско-узбекских отношений

Именно с этого момента и начинается новый и продолжающийся по сегодняшний день период охлаждения таджикско-узбекских отношений. Ташкент почти сразу предпринял серию попыток сначала политического, потом силового характера с целью вернуть в свои руки нити управления «таджикским проектом». Ставка была сделана на «некулябскую» часть Народного фронта, которая считала себя обделенной при дележе власти и ресурсов.

На президентских выборах 1994 года Ташкент поддержал Абдумалика Абдуллоджанова, бывшего премьер-министра РТ; однако, Россия поддержала Эмомали Рахмона, действующего главу республики, который в результате выборов и получил президентский пост. А. Абдуллоджанов укрылся в Узбекистане, где заявил о создании «третьей силы» или «новой оппозиции», призванной «защищать интересы узбекского меньшинства и северных таджиков». «Новая оппозиция» потребовала включить своих представителей в меж-таджикские мирные переговоры в качестве отдельной стороны. Вскоре после этого последовала серия антиправительственных мятежей полевых командиров, относивших себя к «третьей силе». В 1996 году мятеж полковника Махмуда Худобердыева, командира элитной бригады МОРТ; в 1997 году новый мятеж под его командованием, поддержанным Ибодом Бойматовым, бывшим мэром Турсунзаде, прорвавшимися с группой сторонников с узбекской территории; после разгрома

мятежа Ибод Бойматов был убит, а Худобердыев укрылся на территории Узбекистана. В 1998 году мятежный полковник во главе многочисленной вооруженной группировкой опять прорвался через таджикско-узбекскую границу, попытавшись захватить северную Ленинабадскую (Согдийскую) область. Попытка захвата не удалась, и полковник вернулся в Узбекистан, где по неофициальным данным он получил звание генерала и командует отдельной бригадой спецназначения, состоящей во многом из бывших боевиков таджикского НФ.[\[8\]](#)

После того, как методы силового и политического давления не оправдали себя, таджикско-узбекское противостояние перешло уже в экономическую и геополитическую плоскость. Начался период «холодной», экономической войны, которая, то затихая, то разгораясь, продолжается и по настоящее время.

В этой экономической войне основная цель Ташкента заключается в том, чтобы доказать несостоятельность «таджикского проекта», невозможность его независимого существования вне рамок «узбекского проекта», «узбекского мира» или узбекской зоны влияния. Основным методом воздействия – торпедирование всех ключевых макро-экономических программ и проектов таджикского руководства, которые реализуются без согласования или долевого участия Ташкента.

Большинство политических обозревателей рассматривает сегодняшнее таджикско-узбекское противостояние, как разногласия по поводу отдельных экономических проблем и проектов. Это, прежде всего проблема распределения региональных водных и энергетических ресурсов и связанные с ней вопросы строительства Рогунской ГЭС, ТАЛКО (Таджикский алюминиевый завод), инфраструктурных и транспортных проектов.

Однако, на самом деле, это не только и не столько экономические проблемы, но и инструменты политического давления. Большинство из этих проблем носят вторичный характер и только на первый взгляд кажутся неразрешимыми. Технически их решить не столь сложно. Так, например, непримиримая позиция Ташкента в отношении строительства Рогунской ГЭС и каскада гидроэлектростанций по рекам вряд ли продлится долго, если узбекскую сторону допустят к строительству и контролю над распределением водных ресурсов Таджикистана. Однако, для этого таджикскому руководству придется поступиться долей своего суверенитета – во всяком случае, именно так, скорее всего, видится эта ситуация с точки зрения официального Душанбе.

Возможные перспективы развития таджикско-узбекских отношений

Из всего вышеизложенного следует, что основная и долгосрочная проблема таджикско-узбекских взаимоотношений заключается по сути дела в следующем: примет или нет Душанбе претензии Ташкента на лидерство и доминирование в двухсторонних отношениях. Другими словами, ключевой вопрос остается неизменным

на протяжении всех этих десятилетий, начиная с периода национально-территориального размежевания – является ли «таджикский проект» исторически состоятельным или он, как утверждали лидеры джаидов, появился лишь благодаря «прихоти Москвы»? Речь идет опять же о противоречиях между таджикским проектом и проектом «Большого Узбекистана», каждый из которых, как говорилось выше, так и не был реализован полностью.

На мой взгляд, сегодняшние отношения между Таджикистаном и Узбекистаном во многом похожи на взаимоотношения между Россией и Украиной. Действительно, принятая в Узбекистане официальная концепция «таджики и узбеки – это один народ, говорящий на двух языках» (который является фактически адаптированной версией старого джаидского лозунга 20-ых годов) весьма схожа с концепцией о «триедином русском народе», фактически положенной в основу идеологической теории о «русском мире».[9] В Узбекистане национально-территориальное размежевание очень часто рассматривается как «заговор русских империалистов», направленный на разъединение единого народа, якобы против воли таджиков и узбеков.[10] Это весьма напоминает почти столь же официально принятую в России концепцию о «западном заговоре», якобы искусственно разделившим единый русский народ на три части. И так же, как в России все чаще ставится вопрос о состоятельности украинской государственности – точно такие же, весьма схожие высказывания можно услышать в Узбекистане адрес «таджикского проекта».[11]

Конечно, маловероятно, чтобы таджикско-узбекские отношения в обозримом будущем станут развиваться наподобие российско-украинских, перейдя из «холодной» в «горячую» фазу. Все-таки, проект «Большого Узбекистана» вряд ли когда-либо будет воспринят Российской Федерацией, в зоне влияния которой находится Таджикистан – так же как он не был поддержан ни в 20-ые, ни в 90-ые годы.

Скорее всего, в ближайшие годы не стоит ожидать ни кардинального потепления, ни столь же кардинального ухудшения таджикско-узбекских отношений. Статус-кво, скорее всего, сохранится, хотя определенные сдвиги в открытии коммуникаций, визовых послаблений вполне возможны. Однако определенный уровень напряженности в отношениях будет оставаться еще достаточно долго. Во всяком случае, пока не будет найдена какая-либо взаимоприемлемая форма компромисса между таджикским и узбекским национальными проектами.

Парвиз Муллоджанов, политолог

Мнение автора может не совпадать с позицией редакции CABAR

---

[1] Арслан Таксанов, Узбекистан идеи государственности,
<http://www.proza.ru/2008/01/26/407>

[2] Журнал Рахбари дониш, N11-12, 1928 стр.15-18

[3] С.Абашин – Зарождение и современное состояние среднеазиатских национализмов,
<http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1115585040>

[4] Журнал «Рахбари дониш», N11-12, 1928 стр.15-18

[5] Журнал «Туркестан», 2 января 1924, стр.34

[6] Дмитрий Беляков, Полковник спецназа, Русский репортер, 19 октября 2010
N41(169)ж в настоящее время полковник Квачков отбывает тюремное наказание по обвинению подготовки антиправительственного мятежа националистического характера

[7] Хайрулло Табаров. Я сильно обижен на аппарат управления республики, Азия-плюс, 20.09.11.

<http://news.tj/ru/newspaper/interview/khabibullo-tabarov-ya-silno-obizhen-na-apparat-upravleniya-respubliki>

[8] «Фотографии Махмуда Худобердыева сняты в Узбекистане» Радио Озоди 22.01.2013

[9] **Триединый русский народ** (также общерусский народ, большой русский народ, единый народ Руси и др.) — концепция, предполагающая представление **русского** народа как единой общности **великороссов, малороссов и белорусов**.

[10] С.Н.Абашин Зарождение и современное состояние среднеазиатских национализмов, Зарождение и современное состояние среднеазиатских национализмов

[11] .”, R. Abdullaev, “Natsionalnaya idea dlya respublili Tajikistan”, (National Idea for the Republic of Tajikistan), web-site 12news.us, 19 June, 2013, <http://www.12news.uz/news/>

Если вы нашли ошибку, пожалуйста, выделите фрагмент текста и нажмите *Ctrl+Enter*.